

Агния Кузнецова

Случайные люди

УДК 82-312.9
ББК 84-445
К89

Кузнецова А.

К89 Случайные люди / Агния Кузнецова. – М.: Литнет, 2026. – 442 с.

ISBN 978-5-521-99520-2

Путь домой надо заработать. Например, помогая компании из беглой королевы, ее камеристки, безродного рыцаря и придворного мастера фейерверков спасти свои жизни и, быть может, целое королевство. Попутно привязавшись к случайным своим попутчикам, что никак не облегчит опасный поход за чужой тайной, а ровно наоборот.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99520-2

© Литнет, 2026

© Кузнецова А., 2026

Глава 1

Я отодрала от себя цепкие руки, ударила локтем назад, в кого-то попала, лягнулась, так что женщина шлепнулась на дорогу. Кто-то схватил меня за кулон, цепочка лопнула, а я чуть не кувырнулась в пыль вслед за теткой, которая теперь драла подол моего платья. Я отпихнула ее ногой, почувствовала, что меня схватили за куртку, замолотила локтями, вереща, вывернулась из рукавов, рванулась вперед, перескочила через тетку, врезала с разворота пакетом какому-то парню по груди. Оглянулась, но везде были все те же закутанные в тряпье люди, которые уже не только говорили непонятное, но и покрикивали. Сначала в меня вцепились женщины, а теперь подтягивались и мужики, и я зажала пакет под мышкой, пригнулась, как от ветра в лицо, припустила, толкнула с пути чумазого ребенка. Сбежала с дороги, прыгнула в канаву, выбралась по глинистому краю наверх, побежала по траве к лесу – прочь, прочь от этих сумасшедших!

В лес они за мной не пошли, стояли у первых деревьев, кричали, бросали комки глины и камни. Я прижималась к коре и пыталась отдышаться. Когда крики прекратились, я выглянула из-за ствола. Дети облепили куст на обочине и ели с него ягоды, поглядывали иногда в лесную тень. Потом подошла девушка в платке, взяла одного из мальчишек за руку, потащила обратно на дорогу, а за ними потянулись остальные дети. Люди на дороге опять двигались, как и когда я вышла к ним. Девушка посадила мальчишку на медленно ползущую повозку, а потом стала помогать и другим детям.

Я выдохнула, поставила пакет у ноги, сорвала пучок травы, принялась оттирать глину с ладоней. Трава была холодная от лесной тени, сочная, руки теперь резко пахли свежим. Локоть болел, колено болело, саднили царапины на груди: содрали ногтями, когда срывали кулон. Сумасшедшие люди, что им от меня было надо?

Я ведь не сделала ничего плохого, просто вышла, представилась. Мол, меня зовут София, я заблудилась, где тут ближайшее поселение? Местность была явно не городская: пыльная дорога среди травы, деревья с одной стороны, поле с кустами и лес вдалеке с другой. Ни столбов, ни знаков, дескать, деревня Большие Луковицы – 3 км. Я была согласна уже и на Большие Луковицы: глухомань еще та, у одного из моих бывших там дача, пейзажи похожие: дорога, деревья, небо от края до края, птицы орут... но там хотя бы были те самые знаки и столбы с проводами, а если забраться на холм, то мобильник ловил сеть, а тут – ничего, только запах зелени и длинная вереница людей пылит по дороге.

Странные люди, одетые странно, в какую-то холстину. И говорят совсем непонятно, это не было похоже ни на один язык, какой я когда-либо слышала. Сначала они что-то спрашивали, а я твердила, как дура: населенный пункт тут где? Спросила даже раз, нет ли у кого-то из них мобильника, и почему-то сразу поняла, что не дадут: не потому, что не понимают, что я говорю, а потому, что нету у них телефонов, а есть только скрипучие повозки, согнутые под мешками со скарбом мужики и бабы, дети и понурая коза, которую волокли на веревке. Они сначала долго меня оглядывали, даже, кажется, не слушали, что я говорю, потом начали трогать куртку и платье, а потом заметили золото в ушах и на шее.

Я снова потрогала царапины на груди, облизнула палец, потеряла. Выглянула. Цепочку жалко, но больше я туда не пойду. Пусть подавятся. Я хотела снять серьги и спрятать куда-нибудь, но куртку с меня сорвали (хорошо, что там не было ничего ценного), а в платье карманов не было. Пакет же порвется – и привет, и так уже дыра, зацепилась за сучок...

Единственный сносный повод оказаться в лесу после дня рождения подруги – это выскочить из машины на минутку, когда естество требует внимания и уже не терпит отказа. Если подруга, допустим, живет в пригороде, и ее друг, подвозя, решил срезать. Но Маришка живет в городе, и никакого леса на пути от нее до метро быть не должно!

Бред какой-то, повторила я про себя, закинула пакет за спину и потащилась между деревьев. Совсем не помню, как тут оказалась. Было уже поздно, я хотела успеть на метро, поэтому мы с Маришкой расцеловались, она сунула мне кусок торта с собой (желудок тут же заурчал, когда я это вспомнила), и я спустилась по лестнице, толкнула дверь на улицу... и все, дальше все расплывается. Не так я была и пьяна, на ногах стояла твердо, это я точно помню. Напивалась я до состояния нестояния только один раз в жизни, и это был не тот случай. Я вышла из парадной, а дальше – обрывки. То ли улица, то ли что, шум, очень шумно, и яркие огни... А пришла в себя, когда брела среди деревьев, путаясь ногами в подлеске. Был день, и где я шлялась всю ночь после того, как расстались с Маришкой и компанией, я вспомнить не могла. Сумочки моей при мне не было, но хотя бы никуда не делись куртка и ботинки.

Теперь – минус куртка. Я нахмурилась. Ну и подавитесь. Хорошая была куртка, осенняя, не слишком жаркая, в самый раз было бы сейчас. Я растерла плечи. На солнце, когда я выходила на поляны, было ничего, а все время в тени – холодно. Хорошо еще, что комары куда-то задевались. Лучше бы отняли туфли. Я встряхнула пакетом, где их несла. Хорошие туфли, праздничные и сидят, редкая удача, сейчас скорее умрешь, чем найдешь что-то на твою ногу и с хорошей колодкой. Но в лесу они мне незачем, и хорошо, что я в гости и из гостей хожу в ботинках, а туфли ношу с собою. Кто бы знал, что нежелание скакать по лужам в праздничной обуви так мне поможет. Ботинки – это плюс, подумала я. Что отобрали куртку – это минус. И что сорвали кулон, он был мамин...

А еще минус – что я стала понимать еще меньше. Я надеялась, что выйду сейчас к людям, и хоть что-то прояснится, но ничего подобного, только хуже стало. И страшнее. Что делать-то теперь?

Я плелась у кромки леса, поглядывая на дорогу, чтобы не заблудиться в чаще. Может быть, не все тут такие странные и злые, а будут проходить или проезжать нормальные? Или дорога выведет

к жилью, а там уж точно хоть что-то, да выяснится. Все равно люди лучше, чем, например, медведи. Или волки. Учили нас на ОБЖ чему-нибудь про медведей? Если даже учили, то что я там из школы помню, она была так давно. Притвориться мертвым. Я представила, как падаю на мох и затихаю. Будем надеяться, что это сработает. Что там еще? Построить убежище, дезинфицировать воду активированным углем, развести костер с помощью двух палочек. Поймать дикую птицу, обмазать ее глиной и запечь в углях. Рот тут же наполнился слюной, и даже почудился запах печеного мяса. Интересно, как именно я буду охотиться? Хорошо потеряться в лесу с мотком веревки, ножом, топором, коробком спичек и аптечкой! Гораздо хуже – без ничего, но зато в бархатном платье, которое мешает идти. Я остановилась, бросила пакет, задрала подол, взялась как следует. Нитки затрепали. Да, шьют сейчас красиво, но не на века. Я разорвала платье по боковому шву (кто знает, вдруг, когда я выберусь из этого проклятого леса, удастся сшить обратно), и двигаться сразу стало легче. Я облизала палец и снова потерла царапины на груди.

Печеной птицей все еще пахло, причем именно птицей, как мама запекала курицу в духовке. С чесноком, зло подумала я, чувствуя, что в рот бежит слюна. А в глубокой сковородке собирается жирный сок, в который потом макали хлеб. Хлебом теперь тоже пахло. Я тихо зарычала, злая на себя, и тут обнаружила, что просвета между деревьями не стало, а по левую руку, где раньше была дорога, теперь – сплошная чаща. И справа. И впереди, и сзади. Я, стараясь не вертеться на месте, чтобы не потерять, куда шла, огляделась. Лес теперь был темнее, и деревья казались другими. Это от страха, подумала я, прижимая к груди пакет с туфлями. Сердце колотилось быстро и громко, казалось, что сейчас все лесные звери его услышат и придут меня есть. А по деревьям я лазать уже забыла, как, и деревья тут такие, что не допрыгнешь до нижних веток... Я всхлипнула, выдохнула, запретила себе реветь и пошла туда, где должна была бы сейчас быть дорога. Мясом пахло сильнее, и теперь мне

чудились голоса. Ну все, довело меня это выживание в дикой природе. Сейчас еще покажется, что это телевизор, а курицей и в самом деле тянет с кухни, а на кухне мама и бабушка... они спросят, где я так долго была, и позовут к себе. А я не пойду, потому что знаю я эти трюки: в темном непонятном лесу героя зовут к себе умершие родственники, или еще лучше – покойная любимая девушка, а он как дурак идет. Если герой – главный, то как-нибудь выживает, а если второстепенный персонаж – вот и все кино для него.

Но пахло вкусно, голоса были ближе, а под ногами обнаружались следы. Я на всякий случай пошла не прямо по ним, а чуть сбоку, стараясь не шуршать. Между темных стволов мелькнул огонек. Я замерла. Идти или не идти? Если там правда люди, то они могут быть такие же, как те, на дороге, отнимут серьги и туфли, или еще что похуже. Съедят. Я бы непременно съела одинокую девицу, которая мотыляется по лесу безо всякого толку.

С другой стороны, из меня выживальщик в естественной среде – как из депутата честный человек, и ничем хорошим мои прогулки по лесу в одиночку не окончатся. Съедят. Причем дикая природа не спросит, кто такая – а люди, может, спросят.

Я, стараясь шуметь как можно меньше, подкралась ближе, выглянула между деревьев. На прогалине горел костер, а от еще одного кострища, с угольями, поднимался аппетитный дымок. Пекут, подумала я, ну точно, запекают. К сожалению, кострище было не без присмотра, у костра сидели две женщины. Я удивленно моргнула. Уж на что я нелепо смотрюсь в лесу в платье, а они были одеты еще наряднее: длинные юбки, пышные рукава, а у одной – золотой венец в пепельных волосах. Она была постарше, а вторая, с волосами под покровом – как будто моего возраста, за двадцать пять. Я выдохнула и почти уже решила выйти к ним, как вдруг меня что-то дернуло назад, развернуло, впечатало в кору. Я вскрикнула и тут же замолчала: в горло уперлось холодное. Пакет шлепнулся к ногам, а я подняла руки и заговорила быстро:

– Я с миром, я не хотела нападать, не хотела красть, я просто мимо проходила, отпустите, я просто... У меня папа прокурор!

Папа у меня был кто угодно, только не прокурор, но, говорят, всякие гады реже нападают, если знают, что просто так им это с рук не сойдет.

Лица в темноте не различить, но кажется, это был мужчина, выше меня на голову, он нависал и слушал, держа нож у моего горла, а потом взял за плечо, оторвал от дерева и швырнул в круг света от костра. Дамы – а их хотелось называть именно дамами – подобрали ноги, но остались сидеть. Я шумно сглотнула. И что теперь делать? Сказала на пробу:

– Добрый... э.. вечер.

Вооруженный тип, тоже одетый странно, в длинной тунике, сапогах и плаще, спрятал нож, наклонился, на секунду загородившись плечом, а выпрямился, уже держа в руке меч. Я отступила на шаг. Повторила тряско:

– Д-добрый вечер. Я... я заблудилась, просто шла мимо... правда, честное комсомольское... я уйду, сейчас уйду и все, вы меня больше не увидите.

Они молчали, глядя на меня во все глаза, и я сделала еще один шаг назад. Может, отпустят... еще и еще шаг. Тут опасный тип словно надвинулся, оказался передо мной, а острое меча уперлось мне под подбородок. Я схватилась за клинок, стараясь удержать, чтобы он меня не проткнул. Тип шарил глазами по моему лицу и рукам, я заметила, что физиономия у него бандитская. Да какая разница, какая физиономия у того, кто мне сейчас перережет горло?! Будь он хоть миловидный херувим.

Одна из дам что-то звонко сказала. Мужик обернулся, я тоже скосила глаза. Та, что в венце, встала, оправила юбки, подошла. Тронула мужчину за руку, и он отвел меч, но отходить не стал, все так же торчал надо мной черной тенью. Я снова сказала:

– Добрый вечер. Простите за беспокойство.

Дама слушала, чуть склонив голову, потом что-то проговорила. Я покачала головой.

— Я не понимаю.

Она сказала что-то еще. Я ответила то же самое, развела руками. Мужик с мечом спросил что-то. Голос у него оказался как раз тот, какой должен быть у таких вот мрачных типов с тяжелым подбородком, черноволосых, темнобровых: глубокий, железный, словно кто-то пинал двухсотлитровую бочку. Я как могла жалостливо изломила брови, снова развела руками:

— Я вас не понимаю. И вы меня, видимо.

Дама разглядывала мои серьги, потом коснулась царапин на груди. Я вздрогнула, но осталась стоять смирно: меча мужик не убирал. Дама развернулась и отошла, бросила что-то через плечо. Тип с мечом нахмурился, но оружие в ножны сунул, недовольно, со стуком. Пропал между деревьями и скоро вернулся: с моим пакетом. Вытряхнул его перед дамами. Та, что в венце, носком башмака тронула туфлю, посмотрела на меня, сказала что-то своей товарке. Та подскочила, подобралась ко мне, заговорила быстро. Я выдавила:

— Я не понимаю...

Она прижала ладонь к груди, выговорила что-то. Может быть, ее имя? Просить повторить было бессмысленно, не поймет, и я коснулась своей груди, проговорила старательно:

— Софья. София.

Девушка (на вид очень приятная, небольшая, ниже меня, но пошире в груди и бедрах, с незлым лицом) указала ладонью к костру. Тут же сама отбежала, принялась готовить место. Дамы сидели, как я теперь разглядела, на чем-то вроде седел, а мне девушка приволокла колоду. Показала на место, предлагая. Я, на всякий случай медленно, подошла, села. Вспомнила, что в платье, свела колени вместе. Мрачный тип что-то сказал, судя по голосу, недовольно, отошел к дальнему, на границе светлого круга, дереву и сел под ним. Меч поставил рядом, а нож торчал рукояткой у пояса. Я снова сглотнула,

улыбнулась как могла искренне. Дама опять что-то спрашивала, потом послала девушку прочь, та вынула откуда-то нож (все они тут, что ли, носят оружие?) и исчезла в лесу, откуда стал доноситься стук и шорох. Дочь, что ли? Совсем не похожи, у дамы заметный нос и резкий подбородок, а девушка была хорошенькая, словно ее лепили с любовью и тщательно выглаживали черты, почти сделали безликую пухлощеку куклу, но вовремя остановились. Может, личный ассистент, или просто младшая, а младшими вечно командуют.

Дама смотрела на меня, я улыбалась так, что уже болели щеки. Осторожно, чтобы мрачный тип не решил, что я опасна, подняла руку, пальцами принялась разбирать волосы, чтобы привести себя в божеский вид. Хорошо, что я стригусь коротко, с длинными намучилась бы. Наверное, я не выглядела совсем чужой для них, все они были похожи на европейцев, дама светловолосая, девушка, судя по светлой коже и бровям, тоже, но зато мрачный мужик – брюнет, и если его до сих пор не прогнали за не титульную национальность, то и меня, может, не отправят в резервацию. Я боялась, что людям на дороге я именно поэтому и не понравилась: чужая внешность, да еще и говорю непонятно. В городской толпе я не выделяюсь, обычный плод любви братских советских народов (в маму веснушки, в папу темные волосы и не славянский нос), но здесь – кто его знает, кого посчитают чужим. Как я поняла, времена тут дикие и неспокойные, и если у нас можно получить по голове за неправильный разрез глаз, то тут и вовсе из арбалета пристрелят. Или лука? Если есть мечи, должны быть и луки...

Я поняла, что на меня смотрят во все глаза. Оказывается, я задумалась, распутывая волосы, и все это время улыбалась, щеки теперь сводило, и улыбка наверняка вышла пугающая. Я сделала нормальное лицо, на всякий случай сказала:

– Извините.

Дама сложила на коленях белые руки, кивнула, словно поняла и приняла извинения. Из рукава на запястье скользнул драгоценный